
ПРОЛОГ

— Никаких убийств, — сказала Амалия.

— Абсолютно, — подтвердила Аделаида Станиславовна.

— Никаких преступлений...

— Даже и не думай! — вскинулась ее собеседница.

— Я же там умру со скуки! — возмутилась Амалия.

— Не понимаю, чего тебе надо, — возразила ее мать. — Красивейший край, плодородная земля, вполне приличные соседи... Поверенный пишет, что при надлежащем уходе имение вполне может приносить несколько тысяч в год.

— Так я ему и поверила, — сварливо отозвалась Амалия, которая, очевидно, находилась в прескверном расположении духа. — Наверняка поместье уже заложено и перезаложено, и все долги теперь окажутся на мне. И едва я приеду, как ко мне сразу же явятся господа из земельного банка с требованием платить проценты.

Этот странный разговор происходил прекрасным майским днем 188... года. Сидя в саду у осыпанной белыми цветами вишни, дамы пили чай, а покачивающиеся на ветру ветви отбрасывали на их лица подвижную тень. На Амалии было бледно-розовое платье, которое замечательно шло к ее белокурым волосам и светлой коже. Аделаида Станиславовна, как всегда, была

одета в роскошный туалет темных тонов, затканый золотом, и, как всегда, производила впечатление путешественной королевы, которую застигла буря и заставила сойти с тонущего корабля на утлую шлюпку. Само собой, ни корабля, ни шлюпки поблизости не было, но суть впечатления тем не менее не менялась.

— По-моему, ты преувеличиваешь, — промолвила старая дама снисходительным тоном, глядя на дочь сквозь лорнет. — По крайней мере, в своем письме поверенный ни разу не упомянул ни о каких долгах.

— А иначе во всем этом нет никакого смысла, — возразила Амалия. — К чему вообще завещать свое имущество человеку, которого ты никогда в жизни не видел? Вы, татап, хоть что-нибудь помните о пресловутом Савве Аркадьевиче?

Аделаида Станиславовна наморщила лоб и задумалась.

— Он однажды прислал нам поздравление, — наконец объявила она. — С чем, я не помню, но он точно нам писал!

Амалия покачала головой.

— Только поздравление? А не просил о протекции, к примеру? Не навязывался в гости, не выражал желание погостить у нас в столице, не настаивал на том, чтобы быть представленным моему мужу? Нет?

...Когда в 1881 году Амалия вышла замуж за барона Корфа, блестящего молодого офицера, служившего при дворе, она с некоторым изумлением обнаружила, как много у нее родственников, а у ее покойного отца — друзей и знакомых. Прежде она была всего лишь красивой девушкой из обедневшей дворянской семьи, у которой из близких оставались лишь мать и дядюшка Казимир, родной брат последней; но едва Амалия сделалась баронессой и получила право являться при дворе, как

ее со всех сторон стали осаждать четвероюродные братья, троюродные тетки, внучатые племянники двоюродных бабушек и кузены уже совсем каких-то непонятных дедушек. Все это многолюдье улыбалось, льстило, рассыпалось мелким бесом, ссылалось на родство, лгало, предлагало дружбу, молило о протекции, вновь льстило без конца и клялось в вечном расположении. И, хотя Амалия видела людей насквозь и, в общем, ничего от них не ждала, ее все же поражало, как быстро номинальные родичи, напрочь забывшие о ее существовании, когда она в них нуждалась, сразу же вспомнили о нем, едва она сделалась баронессой.

Впрочем, если они рассчитывали извлечь выгоду из ее нового положения, то жестоко ошиблись. Амалия принадлежала к тем людям, которые никогда ничего не забывают, и не давала обмануть себя словами, какими бы красивыми они ни были. Она более или менее вежливо отказала от дома всем неожиданным претендентам на родство, после чего ее хором стали обвинять в том, что она зазналась, не признает родственных уз и вообще ведет себя точь-в-точь как ее маменька, полячка Аделаида, гордячка и ломака. Можно себе представить, как радовались все эти мелочные злопыхатели, когда узнали о разводе Амалии с мужем. Теперь-то, ликовали они, эта высокомерная особа вернется в прежнее ничтожество; теперь-то она точно пожалеет, что отвергла нашу — пусть даже весьма небескорыстную — дружбу.

Однако Амалия в который раз обманула их ожидания. Она по-прежнему жила в великолепном особняке на Английской набережной, решительно ни в чем себя не стесняла и без малейшего смущения бывала при дворе, хоть и не чаще, чем того требовала ее работа в особой службе, о которой очень мало кто был осведомлен. Впрочем, во времена нашего рассказа Амалия уже не

состояла в службе, довольствуясь положением частного лица. У нее были слабые легкие, и всего несколько недель назад она приехала из очередного санатория, где провела осень и зиму. А сегодня утром...

— Нет, — решительно объявила Аделаида Станиславовна в ответ на вопрос Амалии, — он никогда ни о чем не просил.

Молодая женщина тихо вздохнула и отставила чашку. Желтая бабочка кружила над травой, и Амалия проводила ее полет взглядом.

— Кто он вообще такой, этот Савва Аркадьевич Нарышкин? — устало спросила она.

— Дальний родственник твоего отца, — с готовностью отвечала Аделаида Станиславовна. — Насколько я поняла, он был в своем уезде мировым судьей.

Амалия скептически покосилась на нее.

— И судья завещал мне свое имение? Ни разу в жизни меня не видя, не пытаясь даже встретиться со мной? Только потому, что я его родственница?

— Дорогая, я тебя не понимаю, — молвила Аделаида Станиславовна обескураженно и даже лорнет опустила. — Что тут такого, в самом деле? Человек умер, перед смертью составил завещание в твою пользу, по всей форме... — Она указала глазами на лежащее на столе письмо, которое пришло сегодня с утренней почтой. — Движимое и недвижимое имущество, пруды, мельница, земельные угодья... Может быть, ты и права, и что-то в самом деле уже заложено банку, но ведь надо сначала выяснить, а потом уж говорить. В конце концов, ты всегда можешь отказаться от наследства, — добавила Аделаида Станиславовна, видя, что дочь колеблется. — И потом, если Савва Аркадьевич Нарышкин пожелал, чтобы ты стала его наследницей, значит, у него для того были свои причины.

Амалия нахмурилась. Причины, как она полагала, были самые прозаические: имение опутано долгами, угоды не представляют особой ценности, стало быть, наследнице не достанется ничего, кроме хлопот и долгой тяжбы с земельным банком, который уж всяко своего не упустит.

К тому же молодая женщина по складу своего характера была человеком городским. Пусть другие сколько угодно радуются тому, что им удалось вырастить на своих десятинах, и хвастаются друг перед другом новыми сортами картофеля или ржи, Амалии все это было безмерно скучно. Даже дачный отдых она не жаловала, потому что при одном слове «дача» ей представлялись тучи комаров, отсутствие привычных удобств и назойливые соседи, бесцеремонно навязывающие вам свое общество на том лишь основании, что вы с ними оказались в одной местности. Так что мысль о том, что ей надо ехать куда-то далеко в провинцию принимать неожиданное наследство, не вызывала у Амалии ничего, кроме глухого протеста.

— Кроме того, — добавила Аделаида Станиславовна, — поверенный же написал, что у судьбы не было детей, а его жена давно умерла. Так что он был в своем праве.

В том, что судья был в своем праве делать с собственным имуществом все что угодно, Амалия не сомневалась, но ее возмущало, что в качестве наследницы он выбрал именно ее. Как возмущала и несвоевременность неожиданного подарка судьбы. Ах, как она была бы счастлива, если бы это наследство объявилось несколько лет назад, когда ее отец был еще жив и его можно было спасти! Или еще раньше, когда их семья была разорена бесконечными судами и исками. Им бы очень помогли тогда деньги. А теперь... На что они ей теперь? Она живет в столице, и все ее соседи-аристократы один знат-

нее другого, когда в гостиной у нее висит на стене подлинный Тициан, которого она привезла из одной из своих служебных поездок, когда она может приказать возвести зимой возле дома настоящий ледяной дворец, чтобы побаловать своего сына Мишу... На что ей чужое имение, наверняка запущенное, с расстроенным хозяйством, расположенное где-то за тридевять земель?

— Глупо, — вырвалось у Амалии, — просто глупо! Как оно называется вообще?

Аделаида Станиславовна взяла письмо со стола и кокетливым жестом поднесла к слабеющим глазам лорнет. И, хотя в то мгновение она ничуть не красовалась, со стороны движение ее выглядело именно как нечто искусственное, как привычная уловка некогда блистательной красавицы, которая в молодости вскружила не одну горячую голову.

— Синяя долина, — прочитала она вслух. — Да, именно так.

— Синяя долина? — удивилась Амалия. — А почему именно синяя?

Ее мать только пожала плечами. В самом деле, откуда она могла знать?

— И как туда добираться? — спросила молодая женщина.

— Тут все подробно объяснено, — отозвалась Аделаида Станиславовна. — По железной дороге, а затем в экипаже до самой Синей долины. — Она поглядела на дочь поверх лорнета. — Я полагаю, можно будет дать телеграмму, что ты едешь, и тебя встретят на станции.

Амалия поморщилась и отвернулась. Она все еще не желала никуда ехать и в глубине души бунтовала против необходимости поездки.

— Наверняка все это будет зря, — проговорила она в сердцах.

— Может быть, — не стала спорить Аделаида Станиславовна. — Но ты подумай: вдруг имение приличное и ты сможешь потом передать его Саше?

Саша считался приемным сыном Амалии и носил ее девичью фамилию — Тамарин. Откуда он взялся, никто толком не знал, а те, кто знал, предпочитали держать язык за зубами.

Амалия сердито взглянула на мать, но Аделаида Станиславовна ответила ей совершенно безмятежным взором.

— Саша и так никогда ни в чем не будет нуждаться, — резче, чем ей хотелось, проговорила Амалия. И тут ей в голову пришла неожиданная мысль. — Послушайте, мама, а что, если нам послать туда Казимира?

Почтенная Аделаида Станиславовна так удивилась, что чуть не выронила лорнет.

— Как, Амели, Казимира?

— Да. А что такого? Он приедет туда, все разузнает и отпишет нам, а мы уже потом решим, что нам делать.

Но Аделаида Станиславовна, похоже, была вовсе не в восторге от идеи дочери.

— Нет-нет, дорогая, только не это! Казимир не может никуда ехать. Ну, ты сама подумай: имение и бедный Казимир... Боже! Он же проиграет его в карты еще прежде, чем доберется до него! Прямо в поезде проиграет случайным попутчикам! А если все-таки случится чудо и Казимир доберется до Синей долины, он же... он же прямо там ее и проиграет. Да! И мы останемся ни с чем!

Амалия невольно улыбнулась. По правде говоря, причина, по которой она так стойко отбивалась в свое время от неожиданно нагрянувших родственников, заключалась вовсе не в ее злопамятности и жестокосердии, как некоторые могли подумать, а как раз в дядюшке Казимире. Это был необыкновенно изворотливый

маленький человек, картежник, плут, бонвиван и, что называется, не дурак выпить. Всю свою жизнь он безотлучно провел при старшей сестре, матери Амалии, и, когда дела самой Амалии значительно улучшились — отчасти благодаря браку, отчасти благодаря пребыванию в особой службе, — ей пришлось, как до того Аделаиде Станиславовне, мириться с присутствием Казимира и выплачивать ему содержание, чтобы он мог по-прежнему баловаться карточной игрой, пить дорогое шампанское и заводить романы с хорошенькими женщинами. Всякий раз, когда очередной непрошенный родственник являлся к Амалии, она представляла себе, что отныне ей придется терпеть не одного Казимира, а двух, и при мысли об этом ее голос становился таким ледяным, а манеры — такими неприятными, что гость, не успев пробормотать свою просьбу о теплом местечке для себя или для сына, уже пятился к дверям.

Не то чтобы Казимир был каким-то подлецом или законченным мерзавцем — Амалия успела достаточно повидать жизнь, чтобы понять: бывают люди и куда хуже него; но он был невыносимо, чудовищно эгоистичен и даже знать не желал о том, что помимо его желаний в мире существуют и другие, с которыми надо считаться. Больше всего на свете он боялся двух вещей — смерти в богадельне и женитьбы. Причем женитьбу, пожалуй, можно поставить на первое место. Казимир прекрасно понимал, что никто не станет так носиться с ним, как сестра, потакавшая его слабостям и заставлявшая дочь с ними считаться, и до ужаса боялся, что однажды, в один далеко не прекрасный день, его свободе придет конец. Кажется, этот страх поселился в нем с тех пор, когда он встретил старого приятеля Болека, заводилу Болека, с которым они славно проказили во время учебы у иезуитов; и Казимир не мог забыть то жуткое чув-

ство, когда лет через семь после окончания школы он вновь увидел своего друга, женатого, плешивого, с синяками под глазами, совершенно облетевшего, как дерево осенью. Боже! Неужели перед ним был тот самый Болек, с которым они лазили к черноглазой Ирене за пирожками и поцелуями? Какой же он сделался старый, несчастный, и как им помыкала его измученная, постаревшая от многочисленных родов жена, и какой у него затравленный вид, и как униженно он говорил о том, где бы ему перехватить денег до рождения очередного ребенка... Казимир никогда никому не рассказывал, но именно после встречи с Болемом он определенно понял, что семейная жизнь — не для него. Он так боялся попасться, так боялся оказаться в положении, когда честный человек просто обязан жениться, что даже романы заводил исключительно с замужними, положительными дамами. И то — не далее как несколько дней тому назад Казимир едва не обжегся, и Амалия, вспомнив об этом случае, невольно улыбнулась.

— Что? — спросила Аделаида Станиславовна, зорко наблюдавшая за ней.

— Так, — беспечно отмахнулась Амалия. — А где дядя сейчас?

— У себя, — вздохнула ее мать. — Второй день почти не ест, бедный. И даже на карты не смотрит, — заговорщическим шепотом прибавила она.

...Причина того, что Казимир даже перестал смотреть на карты, заключалась в миниатюрной хорошенькой даме, которая явилась как-то в особняк Амалии после обеда. Едва старый Яков доложил о прибытии гостыи, как Казимир побелел, покраснел, заметался, выскочил за дверь, впопыхах стукнувшись о створку, и крикнул племяннице на прощание:

— Меня нет! И не будет! Я для нее умер!

Однако через секунду он вновь просунул голову в дверь.

— Умоляю тебя, племянница, — застонал он, — сделай что-нибудь, чтобы она исчезла! Я так с ума сойду!

Амалия сделала Якову знак подождать.

— В чем дело, дядюшка? — довольно сухо спросила она.

— Вот то-то и оно! — просипел Казимир, теряя голову. — У нее муж умер... от грудной жабы¹... третьего дня. И она вбила себе в голову, что я должен на ней жениться!

— А не должен? — осведомилась Амалия безразличным тоном.

— Я? — отшатнулся Казимир. — Но это же... это... Нет, лучше петля! Сразу! Покончить счеты с жизнью... Или камень на шею — и в воду, да! — И он энергичным жестом показал, как именно станет привязывать себе на шею камень.

— А может быть, вы зря переживаете? — добила его Амалия. — Женитесь, остепенитесь, заведите детей... Не так уж и плохо, знаете ли!

— Ну да, конечно! — возмутился Казимир. — То-то ты сама развелась, племянница...

Помимо всего прочего у Казимира был неприятнейший талант попадать точно в больное место. Заметив, что Амалия слегка переменилась в лице, что могло служить у нее признаком сильнеешего гнева, он, впрочем, сразу же пошел на попятный.

— Я ничего такого не имел в виду, — жалобно пропыхтел дядюшка, кося глазом на противоположную дверь, куда вот-вот должна была войти та, которая покушалась нарушить его покой и насильственным обра-

---

¹ Болезнь сердца (*выражение эпохи*). — *Здесь и далее примечания автора.*

зом, вопреки всем законам и уложениям Российской империи, отволочь его к алтарю. — Но семья... и я... О, я не переживу этого! — со стоном закончил он, хватаясь за голову.

Амалия сердито поглядела на него и сделала ему знак исчезнуть. Казимир с невероятной для его комплекции скоростью взлетел по лестнице и хотел было укрыться у себя в спальне, но тут ему в голову пришло, что Амели все-таки не сестрица Адочка и что с безжалостной племянницы вполне станется выдать его врагу. Поэтому он на цыпочках спустился по лестнице обратно и с замиранием сердца припал ухом к двери, за которой глухо беседовали два женских голоса.

— Мы столько времени были вместе! — стонал первый женский голос. — А теперь он избегает меня, и все из-за чего? Я лишь предложила узаконить наши отношения! Даже мой духовник...

Дальше ничего нельзя было разобрать, кроме сморканий в платок и невнятных сетований на судьбу.

— всю мою жизнь я была так несчастна! — продолжал тот же голос. — Мой муж был такой тиран... Настоящий деспот!

Казимир вспомнил деспота, который был тишайшим человеком на свете, и мысленно застонал.

Ну почему, почему тот не прожил еще много-много лет, ко взаимному удовольствию жены (которой все равно надо кого-то обманывать) и ее любовника (который все равно не собирается на ней жениться)? Ведь тогда Казимир не попал бы в такое дурацкое положение!

— Боюсь, я вынуждена вас разочаровать, Зинаида Петровна, — теперь говорила Амалия. — Я от всей души сочувствую вашему горю, но дело в том, что мой дядя никак не может жениться. Ни на вас, ни вообще на ком-либо.

За дверью Казимир приосанился и поправил жидкий ус.

— Ах, вы повторяете с его голоса! — плаксиво отозвалась Зинаида. — Он вообще спокойно не может слышать слово «свадьба». Даже когда мы проходили мимо церкви и кто-то венчался, он всегда стремился меня увести!

Амалия вздохнула, и Казимир невольно насторожился.

— Что ж, все понятно, — после паузы промолвила его племянница. — Собственный опыт дяди получился не слишком удачным.

— Опыт? — удивилась Зинаида Петровна.

Амалия вновь вздохнула, и Казимир затаил дыхание.

— Дело в том, что мой дядя уже женат. Именно поэтому он никак не может снова жениться, — пояснила Амалия.

У замочной скважины Казимир в страхе икнул, закусил сустав пальца и вытаращил глаза.

— Как? — в непередаваемом изумлении воскликнула Зинаида Петровна. — Но Казимир мне ничего не говорил!

— Оно и не удивительно, к сожалению, — отозвалась Амалия. — И тем не менее это правда. У него есть жена в Варшаве. Ее зовут Марыся, очаровательная женщина... то есть была ею, пока не согласилась за него выйти. У них трое детей, я высылаю им содержание, потому что заботиться о семье дядя не в силах. И вообще, знаете ли, она столько от него натерпелась...

В полном остолбенении Казимир слушал, не понимая, на каком он свете, а Амалия продолжала рассказывать дальше. Очень спокойно и крайне убедительно она описала, как он проигрывал шали жены в карты, как

скверно обращался с детьми, даже поколачивал их, как они ютились в подвале, отчего один из детей заболел рахитом... Племянница лгала так гладко, так непринужденно, что Казимир словно воочию видел тот подвал, освещенный одной тусклой свечой, слышал возню мышей за стеной, видел разводы на обоях от сырости...

— Но я ничего не знала! — то и дело восклицала Зинаида Петровна. — Ах, бедная женщина! Ах, какой же негодяй ваш дядюшка!

Казимир узнал, что и жену, несуществующую Марысю, он поколачивал регулярно, обзывал ее при детях нехорошими словами, и раз, когда ее родственники прислали им денег, он их отнял и пошел в притон играть в карты. И когда его ребенок едва не умер, он шлялся всю ночь невесть где, и вообще...

— Мы с матерью верили, что Марыся его образумит, — закончила Амалия. — Конечно, если бы на ее месте оказалась такая женщина, как вы...

Но Зинаида Петровна отчего-то не пожелала быть на месте Марыси. Напротив, она очень кротко извинилась, что посмела побеспокоить госпожу баронессу. Мол, ей и в голову прийти не могло... И сам Казимир ни разу, ни разу не упомянул даже, что он уже женат... Зато теперь понятно, отчего ему становилось дурно при одном намеке на свадьбу и отчего он избегал любых разговоров об их совместном будущем...

На прощание Зинаида Петровна выразила желание хоть чем-то помочь семье бедной Марыси, но Амалия заверила ее, что в том нет никакой нужды. Хоть Казимир и совершенно никчемный человек, но тем не менее она заботится о его жене и детях и старается делать все, чтобы для их же блага держать его подальше от них. Иначе он пустит их по миру, а детей отдаст в приют. «Ведь наверняка он даже не говорил вам, Зинаида Пет-

ровна, что у него есть свои малыши? Вот видите! Такой вот он черствый человек, собственные дети для него ничего не значат...»

Когда Зинаида Петровна уходила, даже по ее спине можно было прочесть, что она считает себя женщиной, которая избежала величайшей опасности, избавившись от негодея, какого свет не видел. Вскоре вниз спустилась Аделаида Станиславовна, и Амалия, кратко пересказав ей, как она отделалась от objet¹ дядюшки, попросила ее позвать Казимира.

— Наверняка он сейчас подслушивает под дверью, — заметила Амалия, которая вследствие своей работы в тайной службе приобрела совершенно неуместную и неприличную в домашних делах проницательность. — Скажите ему, татап, что он может больше не беспокоиться. Между нами, я сильно удивлюсь, если мадам Воронская когда-нибудь еще пожелает с ним знаться.

Мадам Воронская и в самом деле навсегда исчезла из его жизни, а вот Казимир по совершенно непонятной причине затосковал. Он потерял аппетит и целыми днями лежал на диване, уставившись в потолок...

— Может быть, ты зря ее отвадила? — предположила Аделаида Станиславовна, поднося к губам чашку чая. — Некоторые мужчины сами не знают, что им надо. Может быть, ему и впрямь стоит на ней жениться? Он сам не свой с тех пор, как она ушла.

Если говорить начистоту, Амалия была не прочь раз и навсегда избавиться от дядюшки Казимира, доверив заботу о нем кому-то еще, но она знала, что мать придерживается иной точки зрения, и потому предпочла перевести разговор на другую тему.

— По правде говоря, единственное, что меня беспо-

---

¹ Здесь: пассия (*выражение эпохи, франц.*).

коит сейчас, — это Синяя долина, — призналась она. — Как-то некстати свалилось наследство от человека, которого мы ни разу в жизни не видели.

Но Аделаида Станиславовна стала горячо ее разубеждать. Может быть, наследство вовсе не такое скверное, как она думает? Надо бы послать телеграмму, чтобы ее встретили на вокзале, отправиться туда и все разузнать как следует.

— А там уж видно будет, — закончила старая дама. — Не понравится — всегда можно продать, а если совсем дело плохо, то можно и вовсе от наследства отказаться. Имущество твое, тебе и решать.

Так на следующий день Амалия выехала из Петербурга по направлению к загадочной Синей долине, еще не подозревая о том, какие приключения ожидают ее впереди.

ГЛАВА 1

ГЛУШЬ

Они привыкли вместе кушать,
Соседей вместе навещать,
По праздникам обедню слушать,
Всю ночь храпеть, а днем зевать.

«Евгений Онегин», глава вторая.

Занятиям деревня учит,
Уединенье хоть кого
Читать в ненастные дни научит
И мыслить вопреки всего.

«Евгений Онегин», глава первая

1

Из частного письма

«Погода у нас, Лукерья Львовна, стоит отменная. Жаль, кусты клубники наместе испортил зловредный крот, но кабачки обещают быть весьма аппетитными. Морковь также хороша, хотя и не такая крупная, как в прошлом году. Я недавно посадила тюльпаны, да они что-то не прижились. Федот Федотыч, почтмейстер наш, которому я на то жаловалась, объяснил, что луковицы чрезвычайно лакомы для белок и мышей, которые их и сгрызают, предварительно вырыв из земли.

À propos¹, почтенный Федот Федотыч вам кланяется и просил справляться о вашем здоровье.

Марья Никитишна, которой 10 апреля исполнилось 83 года, нечаянно выпала из брички, которой правил пьяный кучер. Кучер сломал себе руку и ногу, а Марья Никитишна теперь передвигается вдвое быстрее прежнего и почти не пользуется тростью. Вот уж воистину: что одному на пользу, другому только во вред. Мой племянник Степан просил засвидетельствовать вам свое почтение. У него все по-прежнему, как и было. Он все дает объявления в газеты, да без толку, только деньги зря уходят. Скоро будет уже пять лет, как скрылась его жена, и я надеюсь, что он все-таки образумится и вспомнит о людях, которые куда больше его супруги достойны внимания. Вы знаете, как я желала бы видеть его с Верой Дмитриевной, нашей соседкой. Такая благонравная девушка, такое отзывчивое сердце — они были бы со Степаном прекрасной парой, но пока мой племянник и слышать не желает о разводе.

Маврикий Фомичев, тот купец, что метит в миллионщики, открыл еще один трактир и выкупил три лавки. Его кум Гаврила — теперь хозяин гостиницы, в которой прежде был управляющим, и все говорят, что на этом они не остановятся. К нам в уезд приехал новый доктор, Владислав Иванович Никандров, интересный брюнет с голубыми глазами. Манеры самые столичные, и обхождение петербургское, а сюда он перебрался потому, что у него самого какие-то нелады со здоровьем и ему предписали побольше бывать на свежем воздухе. Впрочем, то, что он здесь, очень даже хорошо, потому что старый доктор Станицын совсем оглох, а от земского врача толку мало, да и глядит он исподлобья, словно за-

---

¹ Кстати (франц.).

резать хочет своим скальпелем, и к тому же от него постоянно пахнет йодоформом.

На днях была у нас Оленька, бывшая невеста Степана. Как вы помните, Лукерья Львовна, она теперь замужем за Пенковским, но и нас не забывает. Жаль, что Степан тогда пошел на поводу у своих чувств и предпочел Оленьке ветреную и весьма легкомысленную особу, о которой вам известно не хуже, чем мне. Оленька тоже просила вам кланяться.

Вчера заезжал доктор Никандров, они говорили со Степаном о разных политических материях и пришли к выводу, что войны в ближайшее время не будет¹. Ну, дай-то бог. Нового мирового судью еще не выбрали, а в уезде вовсю судачат о завещании Саввы Аркадьевича. Оленькин муж, Пенковский, надеялся кое-что получить, так как приходился Савве Аркадьевичу крестником, да куда там — судья все отписал дальней родственнице, которая замужем за бароном Корфом и в Петербурге живет. Правда, от Федота Федотыча, у которого двоюродный брат в столице, узнала я за доподлинное, что она состоит с мужем в разводе и образ жизни ее далек от примерного. Наши говорят, что имение ей ни к чему и что Синяя долина скоро будет продана за бесценок. Старых слуг, вероятно, попросят со службы, и я уж решила, что возьму к нам кухарку Пелагею, потому как готовить она умеет превосходно. Что же до Дмитрия, лакея покойного Саввы Аркадьевича, то человек он пустяковый, пьет горькую и вряд ли кому-либо подойдет.

Только что пришла горничная Фекла и принесла

---

¹ В 80-е годы Европа несколько раз была на грани кризисов (из-за Болгарии, германских провокаций и др.), которые в любой момент могли вылиться в общеевропейскую войну. В конечном итоге такая война действительно случилась, но несколько позже, и получила название Первой мировой.

новость от почтмейстера, что приезд новой барыни ожидается сегодня, потому как прибыла от нее телеграмма. Воображаю, что будет. Пока прерываюсь, а вечером отпишу вам обо всем подробно. Искренне ваша Настасья Сильвестровна».

2

— Дми-итрий! Дмитрий! Погоди, почтенный...

Сидевший на козлах человек натянул вожжи, и лошадь, недовольно мотнув головой, остановилась. К коляске довольно уверенно ковыляла седовласая дама почтенных лет с востреньким носиком и маленькими глазками, почти лишенными ресниц. Это была Марья Никитишна, первая сплетница здешних мест, та самая, что так удачно вывалилась из брички. Она заискивающе поглядела на кучера и облизнула губы розовым язычком.

— Дмитрий, — нежно пролепетала она, пытаясь придать своему лицу самое доброе, самое ласковое, самое умильное выражение, — ты новую хозяйку едешь встречать?

Кучер, угрюмого вида человек лет сорока с мешками под глазами и подозрительно сизым носом, лишь мрачно покосился на ее жеваную шею и пробурчал нечто невразумительное, что, однако, можно было при желании принять за положительный ответ. Марья Никитишна приободрилась.

— Дмитрий, голубчик, — продолжала она, боком подбираясь поближе к коляске, — у нас дверь покосилась, не поглядишь сегодня на досуге? Заодно и про новую хозяйку расскажешь, какова она и что собой представляет, — нежно промурлыкала она.

Кучер дернул щекой, вновь буркнул что-то, что отдаленно смахивало на положительный ответ, и поудоб-

нее перехватил вожжи. Судя по всему, Дмитрий был не слишком разговорчив.

— Так не забудь, сегодня! — крикнула ему вслед почтенная старушка и резвой рысцой затрусила обратно к своему дому.

— Тьфу ты, холеры на тебя нет! — довольно невежливо проворчал Дмитрий, когда коляска была уже на безопасном расстоянии от неугомонной сплетницы.

Он почувствовал потребность выпить, причем немедленно, а для этого вполне достаточно было вернуться в гостиницу к Гавриле Краснодеревщикову, которая находилась как раз по дороге. Впрочем, Дмитрию так и не дали осуществить его намерение, потому что за пять домов до вожденной цели его окликнула молодая и хорошенькая Ольга Пантелеевна, жена чиновника Пенковского.

— Послушай, любезный...

Дмитрий по натуре был нелюбезен, а когда его так называли, у него и вовсе все нутро переворачивалось от раздражения. Поэтому он только натянул вожжи и пробурчал что-то вроде приветствия.

— Едешь встречать новую хозяйку? Ту, которой Савва Аркадьич все завещал? — допытывалась Ольга, и ее глаза то и дело перебегали с лица Дмитрия на его руки, державшие вожжи. — Послушай, Дмитрий! Мне кажется, тебе скоро понадобится новое место. — Кучер от неожиданности закашлялся так, что лошадь настороженно повела ушами. — Мой муж... ему очень будет нужен хороший человек. Поэтому, как только отвезешь хозяйку, будь так добр, загляни к нам, хорошо? Надо будет договориться об... об условиях.

Откашлявшись, Дмитрий все-таки выдавил из себя несколько слов благодарности и пообещал, что непре-

менно заглянет к Пенковским. Услышав его ответ, Оленька расцвела.

— Да, и не забудь рассказать нам, старая хозяйка или нет! — крикнула она, когда коляска уже отъезжала. — Мне почему-то кажется, что ей должно быть лет шестьдесят, как Савве Аркадьичу, — извиняющимся тоном добавила она.

Избавившись от жены чиновника, Дмитрий ухитрился-таки подъехать к гостинице, где его ждало спасение от всех бед, но у входа, как назло, стоял благообразный старик, который о чем-то увлеченно беседовал со здоровенным рыжебородым малым, причем последнему явно было тесно в цивильном костюме. Едва заметив старика, Дмитрий почувствовал, как его жажда чудесным образом куда-то испарилась. Кучер ограничился тем, что поздоровался с рыжебородым Гаврилой, хозяином гостиницы, и поехал дальше. «Вот ведь принесла сюда Егора нелегкая!» — с тоской подумал он.

Местный старожил Егор Галактионович был известен своим суровым нравом, а также тем, что на дух не переносил алкоголь и табак. Он неистово обличал тех, кто имел несчастье придерживаться другой точки зрения, а у Дмитрия было не то настроение, чтобы вступать со стариком в перепалку. Вот кучер и ограничился тем, что вздохнул так громко, что лошадь с шага перешла на рысь.

Подъезжая к вокзалу, Дмитрий мысленно пытался представить себе, на кого будет похожа его новая хозяйка. Он помнил, что старый мировой судья, когда его первый раз потрянуло, начал наводить справки обо всех своих родственниках и велел поверенному составить завещание, где не было указано лишь имя будущего наследника. И Дмитрий вновь, как живого, увидел Савву Аркадьича, — как он сидел в глубоком кресле, прикрыв-

шись пледом, и, брюзгливо оттопырив нижнюю губу, читал ответы на свои запросы. «Гм, в кавалерии числится и в долгу как в шелку. Не угодно ли, его нам только не хватало! А тут кто? Надо же — примерная супруга, семеро детей! Шалишь, матушка, твои семеро мою долину раздерут на семьдесят семь частей да и продадут, с них станется... Башибузуки! А это еще кто? Тридцать восемь лет, и еще не замужем. Нет, не годится, знаем мы их, старых дев, на которых свалилось наследство. Вмиг объявится какой-нибудь прощельга, фертик, черти б его драли, и все имущество — псу под хвост». И дальняя, очень дальняя родственница с привлекательным и странным именем Амалия судье тоже приглянулась не сразу. «Амалия, ишь чего выдумали! — пыхтел он. — Имя-то какое непотребное, на мысль сразу же приходит веселый дом с ихними мамзелями». Но, очевидно, обладательница непотребного имени оказалась все же респектабельнее, чем кругом задолжавший офицер — сын двоюродного брата, многодетная мать или старая дева. Ни одному из них Савва Аркадьич не оставил ни гроша, зато таинственной Амалии досталось все, чем он владел до тех пор, пока не отправился в лучший мир, где материальные и иные блага не имеют никакой ценности. И именно эта Амалия вскоре должна была решить судьбу самого Дмитрия Пересветова, лакея и по совместительству кучера старого судьи.

«Конечно, выставит за дверь, как пить дать, — мрачно размышлял Дмитрий. — На что я ей? Опять же, выпивон люблю-с, хотя больше наливочки разные, чем водочку. — Он вспомнил, какую наливку готовила кухарка Пелагея, и даже зажмурился от удовольствия. — Тяпнуть бы сейчас того... черносмородинной маленько. А можно и не маленько, — тотчас же поправил он себя. — Небось как явится, так все бутылки сразу же и примется

считать, вместо того чтобы за мужиками из Рябиновки приглядывать, которые все лес норовят у нас таскать. Пока судья в силе был, так браконьеры тоже смиренно сидели, а как его первый удар хватил, всякую совесть потеряли. Эх!»

Вдали сипло засвистел локомотив. На перроне все оживилось и засуетилось. Дмитрий зачем-то вытянулся в струнку и стал тоже глядеть в сторону приближающегося поезда.

«Ну выгонят, ну и пусть, — подумал он напоследок. — Сбережения кое-какие имеются, Савва Аркадьич нас не обижал. А не пригодимся мы столичной даме — ее дело».

Мимо него пробежал начальник станции в красной фуражке, и лицо у начальника было такое озабоченное, словно поезд собирался провалиться под землю, не доезжая до станции, и только от него, начальника, зависело предотвратить катастрофу. Гремя, пыхтя, плюясь облаками пара, шипя, фыркая и содрогаясь всеми вагонами, поезд протасил свое длинное тулово вдоль перрона и, свирепо лязгнув напоследок, стал.

— Остановка десять минут! Буфет!

Помимо воли Дмитрий ощущал странное волнение. Из первого вагона вышла дама с лошадиным лицом и в шляпе величиной с тележное колесо, строго поглядела на него и направилась в сторону буфета. Дмитрий нервно сбил со лба ладонью пот. Вот из другого вагона показалось несколько десятков пакетов, свертков, картонок и чемоданов, которые волокли за собой маленького полузадохшегося господина в серой паре¹. За господином величаво плыла дама с кисейным зонтиком, бывшая примерно на полторы головы выше своего супруга.

---

¹ Костюм (выражение эпохи).

— Носильщик! — зычно воззвала она к одинокому Дмитрию.

— Простите, сударыня, — быстро возразил он, — но я не носильщик.

— Любопытно, — уронила дама, смерив его взором. — А где же все носильщики?

Полузадохшийся господин описал вокруг себя самого полукруг и изготовился было рухнуть на перрон без сил, но ледяной взгляд супруги вынудил его застыть в вертикальном положении. Шляпа готова была вот-вот свалиться с его головы.

Чувствуя, что он тут определенно лишний, Дмитрий двинулся вдоль вагонов и едва не налетел на согбенную старушку с хищным лицом и орлиным носом. Слуга только глянул на него и закоченел от ужаса.

— Простите... — пролепетал он. — Баронесса Корф?

На что получил сухой ответ, что она урожденная фон Ренсинг и к выскочкам Корфам уж точно не имеет никакого отношения. Благословляя небо, Дмитрий поспешно бросился прочь и только тут заметил носильщиков, которые усердно перетаскивали на перрон багаж очень красивой белокурой дамы в бледно-голубом шелковом платье. Судя по всему, багажа было много, во всяком случае, достаточно, чтобы все носильщики толпились именно здесь, оставив без подмоги маленького пассажира, захваченного чемоданами в плен, и его надменную жену. Блондинка обернулась, смерила Дмитрия взглядом, и в ее карих глазах сверкнули золотые искры.

— Простите, — пробормотал слуга, — я... я жду баронессу Корф.

Взмах тонкой руки, затянутой в перчатку.

— Стало быть, вы меня дождались, — спокойно со-

общила дама в голубом. — Еще два чемодана, да, благодарю вас. Надеюсь, в ваш экипаж все это поместится. Впрочем, если нет, тогда найдем еще один.

3

— Едет, едет! — воскликнула Настасья Сильвестровна и в возбуждении потеряла руки.

Ее племянник Степан Александрович, к которому она недавно перебралась вести хозяйство, укоризненно покосился на нее.

— Кто едет, *ma tante*?¹

— Слуга мирового, — торжественно объявила Настасья Сильвестровна. — И с ним новая хозяйка Синей долины. Да, точно она!

И дама прильнула к окну, чтобы во всех подробностях рассмотреть наследницу судьи, а затем подробно перечислить в письме к вдовствующей родственнице Лукерье Львовне, что именно представляет собой вновь прибывшая.

— Но она же совсем молодая... — разочарованно протянула Настасья Сильвестровна.

То ли ее замечание, то ли естественное человеческое любопытство все же вынудили Степана Александровича подняться с места, но он, отложив газету, тоже подошел к окну.

— Не понимаю я Савву Аркадьича, право слово, не понимаю, — вздохнула тетушка. — Как же ей управиться с таким большим имением? Ведь у судьи были и другие родственники да и крестный его... — Настасья Сильвестровна покосилась на племянника и умолкла.

Амалия уже поняла, что ее прибытие совершило в

---

¹ Тетушка (*франц.*).